

ДОБРОЕ СОКРОВИЩЕ

“ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОБРОГО СОКРОВИЩА ВЫНОСИТ ДОБРОЕ...” (Мф. 12, 35) 0+

По благословению Преосвященного Ионафана, архиепископа Абаканского и Хакасского № 12(318) 22 июня 2018 г.

ХРУСТАЛЬНЫЕ ВОДЫ АПОСТОЛЬСКОГО ПОСТА

С 4 июня по 11 июля продолжаются дни Петрова поста, который еще называют Апостольским постом, так как он посвящен встрече праздника святых первоверховных апостолов Петра и Павла

Насколько люди различны между собой, не правда ли? И даже православный народ мыслит и чувствует по-разному. Наступило покоее жаркое лето. За спиной у нас остался, дорогие друзья, светоносный праздник Пасхи. На Троицу, пятьдесят дней спустя, мы собирались с вами в храмах, коленопреклоненно молили Отца и Сына и Святого Духа ниспослать нам обновляющую нас Божественную благодать. И вот Петров пост.

Не будем, друзья, роптать на это узаконение Матери-Церкви. Пост длится всего лишь до 12 июля. Но для того, чтобы нести бремя Апостольского поста, для того, чтобы вместе со всеми боголюбцами радоваться возможности чуток воздержаться от скоромной пищи, давайте уясним для себя цель, смысл и суть этого церковного, а значит – Божественного, установления. Да, правы те, кто говорят, что этот пост установлен всею Соборной Апостольской Церковью несколько позднее, нежели Великий пост. Но по свидетельству преподобного Серафима, всё, что приняла и облобызала наша Мать-Церковь, должно быть достолюбезно каждому ее чаду.

В книге Деяний апостольских мы читаем, что отобранные для благовествования Евангелия двенадцатью учениками христиане постились и молились и после возложения на них апостольских рук разошлись во все концы вселенной, чтобы нести и ближним, и дальним весть о Воскресшем Христе. Петров пост, или пост Апостольский, связан теснейшим образом с даром слова, который каждый из нас получил от рождения свыше как драгоценную черту образа Божия. Тем паче, что мы в большинстве своем словене, славяне – такое племя и такой народ, для которого слово является средством прославления Творца. Апостольский пост нам нужен как раз для того, чтобы, слегка утеснив наше чрево – а «сытое брюхо, – как свидетельствует русский народ, – к учению глухо», – мы возбудили в себе дар словесности, чтобы наши мысли – внутреннее слово, обитающее в глубинах бессмертного человеческого духа... так вот, чтобы наши мысли мало-помалу посветлели, и из обрывистых и перекрученных, бессистемных, они, слов-

но светлые нити, устремленные к источнику бытия – Богу, превратились в тайную сердечную молитву.

Тот, кто ходит пред лицом Небесного Отца, тот, кто в тайне своей души беседует со Словом Воплотившимся, как это было свойственно великим и духоносным мужам-апостолам и их преемникам, получает особенную благодать – свидетельство о Христе Воскресшем. Конечно, не по своему почину, но по послушанию от священноначалия. Впрочем, каждый христианин, по удостоверению апостола Петра, должен уметь дать отчет о своем уповании (см.: 1 Пет. 3: 15).

Этим постом, как мне кажется, должно особенное внимание обратить на то, чтобы все наши действия, даже малые поступки, каждый шаг, каждое словесное деяние были сообразованы с волей Божией благой, угодной, совершенной. Лучше дела без слов, чем слова без дел, не правда ли? Соответствие дела и слова, подтверждение устоев нашей веры и заповедей, которые мы призваны исполнять в отношении Создателя и ближних, – это самое красноречивое свидетельство о Воскресшем Христе.

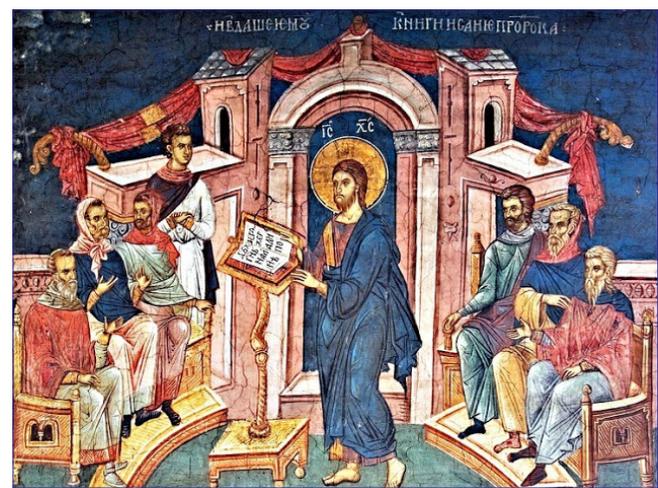
Но задумаемся: сколько примерно слов на дню мы тратим на общение друг с другом? Не ошибемся, если скажем: миллион. А может быть, и более того. Между тем Спаситель, предупреждая нас, говорит, что каждое пустое, бессодержательное, чуждое нравственного смысла слово, лишненное духа правды и любви, загрязненное лукавством, пошлостью, раздражительностью, нечистотой, гордыней, высокомерием, оборачивается к осуждению носителя слова. За каждое праздное слово люди дадут отчет в день Суда.

Продолжение на 2-й стр.

Согласно определению Священного Писания Церкви есть Тело Христово (1 Кор. 12:27). Как правило, мы воспринимаем данную характеристику Церкви как отвлеченное философское понятие. Мы приблизительно понимаем, о чем идет речь, но мало чувствуем онтологическую суть апостольских слов. И в этом отношении мы заметно отличаемся от верующих апостольской общины, которые очень ярко переживали эту важнейшую сторону природы Церкви.

Апостолы и их ученики на опыте познали важнейшую вещь: все, что произошло со Христом, не только прямо касается их жизни, но даже, в некотором смысле, должно случиться и с ними. Христос проповедовал – и Церковь призвана благовествовать. Христа гнали – и Церковь всегда будет гонима. Христа слушали – и Церковь будут слушать многие. Христа распяли – и Церковь, в сокровенной сути своей, распята для мира и греха. Христос воскрес – и церковные люди воскреснут в жизнь вечную.

Насколько первые христиане чувствовали свою связь со Христом, видно из их молитв, которые встречаются в новозаветных текстах. Например, книга Деяний повествует о том, как апостолы Петр и Иоанн были первый раз арестованы за проповедь Евангелия. В итоге их отпускают, они возвращаются в общину и рассказывают об аресте. И дальше писатель Деяний приводит молитву новозаветной Церкви: *Они же, выслушав, единодушно возвысили голос к Богу и сказали: Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и все, что в них! Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его (Деян. 4: 24-26).*

ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ И СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

Апостолы молятся словами второго псалма, которые более знакомы нам по церковнославянской Псалтири: *Вскую шаташася языцы, и людие поучишася тщетным? Предсташа царие земстии, и князи собрашася вкупе, на Господа и на Христа Его (Пс. 2:1-2).* Псалом явно мессианский, он отражает события последних дней земной жизни Иисуса Христа. Князи собрались вместе на Господа и на Христа Его – это о Нем, о Христе. Но первая Церковь, понимая это не хуже нас, применяет молитву к себе – потому что Церковь, в некотором смысле, продолжает земную жизнь Христа. Церковь есть Его тело, поэтому все мессианские пророчества прямо касаются жизни церковных христиан. Собрались... на Господа и на Христа Его – значит, восстали против Церкви.

Еще пример. Во втором послании к Коринфянам апостол Павел приводит ветхозаветный текст, и тут же дает к нему комментарий. Цитата взята из книги Исаии. Во вре-

мя благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе (Ис. 49: 8) – цитирует Павел, и тут же добавляет от себя: *Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения (2 Кор. 6: 2).* Соотнесение пророчества с комментарием раскроет нам очень интересную картину.

В контексте книги пророка Исаии фразу: *во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе* – говорит Бог Отец грядущему воплотиться Мессии. Пророчествуется о помощи Небесного Отца Своему Сыну, Иисусу Христу, во время Его крестных страданий. Здесь пророк употребляет так называемое «время прошедшее пророческое», когда для выражения несомненности будущего о нем говорят как о прошедшем. Услышал и помог – в смысле «услышу и помогу». И действительно, мы видим в Евангелии, что Бог Сын ни на мгновение не оставался без помощи Своего Божественного Отца.

Продолжение на 2-й стр.

Раньше веры было больше?

стр. 2

Бог желает нам счастья

стр. 3

Лекарство от фарисейства

стр. 5

Зачем храмы украшают изображениями винограда?

стр. 6

Что скрыто в самом кратком послании апостола Павла?

стр. 7

«Поэт в России...»

стр. 8

ХРУСТАЛЬНЫЕ ВОДЫ АПОСТОЛЬСКОГО ПОСТА

Продолжение. Начало на 1-й стр.

Итак, Апостольский пост дарован нам как упражнение. Во-первых, священной исихии. Слышали такое замечательное греческое наименование? Исихия – священное молчание. Пост при внутренней обращенности к Богу. Тот правильно проходит Апостольский пост, кто старается с утра пораньше, как сказано: «*Изыдет человек... на делание свое до вечера*» (Пс. 103: 23) – до сумерек, в глубинах души беседовать со Словом Воплощенным, обращаться к всеведущему и всемилостивому Спасителю в тайне сердца: «Господи Иисусе Христе, благоволите, прости, помилуй, настави, укрепи. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

«*О имени Твоем возрадуются весь день*» (Пс. 88: 17) – так царь Давид еще за 1000 лет до Рождества Христова говорил о том, что молитва человека, который совершает это делание неспешно, со вниманием, с чувством, с толком, с расстановкой, а главное – с глубокой верой и надеждой на милость Божию... такая молитва – дело самое легкое, радостное, вдохновляющее, приносящее внутреннее удовлетворение, дарующее полноту бытия.

Молчание-исихия, соединенное с молитвой, действительно обновляет душевные и телесные силы человека, избавляет от стресса, от какой-то ложной неприкаянности и вместе с тем дает нам драгоценный запас жизненных сил, необходимый для общения друг с другом. Апостольским постом мы призваны быть благовестниками, распостранителями радости и бодрости, активной жизненной позиции, динамики, готовности творить добро, которое преимущественно отличает христианина от человека, чуждого надежды на Бога всемогущего и всеблагого.

И давайте поставим перед самими собой тайно задачу никого не обижать, никого не огорчать, уметь улыбнуться в нужный момент, смягчить чужую инвективу, какое-то злобное, ироничное высказывание мудрой шуткой, перевести разговор в мирное русло, утешить того, кто уже не смотрит на мир детскими глазами, но замкнулся в собственной скорлупе и близок к отчаянию. Думается, что, как ни скромна эта жизненная установка, но человек, последовательно ее осуществляющий, через малое придет к великому.

Что это за великое? Оно звучит, скажем, в таких чудных библейских словах, исшедших из уст пророка, а через ветхозаветных Божиих людей говорил и говорит с нами Сам Бог: «*Если изведешь честное от недостойного, то будешь как Мои уста*» (ср.: Иер. 15: 19). Вот это удивительное Божие обетование. Если при вас человек сквернословит или ребенок-подросток откровенно лжет, пытаясь скрыть свои неблагоприятные деяния, но вы, как мудрый родитель, священник, воспитатель, учитель, просто нравственный человек, резонируете такого распоясавшегося молодчика, беседуете с ним на чистом русском литературном языке, избегая пошлых интонаций, компьютерного ново-

языка, сленга, хлебобулочных изделий, которые сегодня так и норовят сорваться с языка встречного и поперечного... вы, сами того не ведая, послужите просвещению ума, умягчению сердца, умиротворению душ десятка-другого людей. Вот значение слова, сдобренного Божественной благодатью.

Давайте этим постом вспомним заповеди, которые апостол Павел обращает к нам, вращает вокруг человеческого слова.

«*Братия, – говорит первоверховный апостол Павел, – не лгите друг другу*» (ср.: Кол. 3: 9; Еф. 4: 25). Действительно, ложь – от дьявола. Человек, который для отвода глаз привирает, быстро лишается уважения и приобретает репутацию (дурную славу) как болтун, которому нельзя доверять ничего, который не соблюдает своих обязательств.

«*Гнилое слово да не исходит из уст ваших*» (Еф. 4: 29). Гнилое слово – это слово, от которого пахнет гнильцой, которое смердит. Очевидно, это слово пошлое, низкое, стилистически заниженное, ругательное. Не мне вам рассказывать, как трещат по швам наши супружеские союзы только потому, что мужья проявляют подобную неотесанность, не боятся подруге своей жизни или детям сказать что-то такое, от чего у людей, мало-мальски приличных и воспитанных, вмят уши.

«*Слово ваше, – просит апостол, – да будет приправлено благодатью, чтобы оно назидало слушающего*» (ср.: Кол. 4: 6; Еф. 4: 29). Благодать – это любовь, желание послужить человеку, принести ему истинное благо. Сегодня, к сожалению, в век равнодушия, эгоизма, черствости сердца, как редко услышишь слово, которое обращено именно к тебе, слово вдумчивое, благожелательное. Слово, которое насыщено энергией любви. Приметим, что подобное слово не вяжется. Его невозможно связать. Оно проходит через все преграды. Слово, которое износится из глубин любящего, милующего и молящегося сердца, действительно крылато. Проникая в сокровенные уголки человеческих сердец, оно дает неожиданное эхо. В людях возникает сочувствие, доверие. Их сердца раскрываются, подобно цветам, навстречу слову, которое не носит в себе никакой корысти, но имеет своей целью умягчение человеческих сердец.

Итак, мы с вами вступили, дорогие друзья, в Петровский пост. По сравнению с Великим, он совершенно необременительный. В большинство дней дозволено вкушать рыбку. «Ловись рыбка, большая и маленькая!» Но для нас, священников, такими «рыбками» являются бессмертные человеческие души. И дай Бог, чтобы все мы сейчас, войдя в чистые хрустальные воды Апостольского поста, поплыли против течения, против духа мира сего, сохраняя в этом подлунном мире ясность мысли, благородность устремлений, «души прекрасные порывы» обращая на благо нашим ближним.

Протоиерей
Артемий Владимиров

ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНЕ И СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

Продолжение. Начало на 1-й стр.

Интересно, что апостол Павел извлекает это место из первичного контекста и помещает в свой собственный, новый контекст. Слова, адресованные Христу, Павел относит к Церкви, к христианам. *Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения* — говорит он, призывая христиан трудиться ради своего спасения сегодня и сейчас, не дожидаясь завтрашнего дня. И христиане должны верить, что они, так же как Христос, никогда не останутся без помощи Отца Небесного.

Все это исключительно важно для нашего церковного самосознания. Например, мы тоже, по примеру древних христиан, читаем на богослужбных собраниях Псалтирь. Большая часть этой книги, если не вся книга полностью, возвещает о Мессии. Мы поем о врагах, окружающих Христа, и о победе Его над ними; о добровольном уничтожении Господа и Его прославлении; о Его проповеди и крестных страданиях, о Его воскресении и вознесении; о Страшном суде, который Он будет вершить. Часто эти мессианские смыслы мы воспринимаем через те или иные события жизни царя Давида, который прообразовал Христа. Уместен вопрос: мы читаем псалмы просто для воспоминания о Спасителе, или для воспоминания жития Давида, или же здесь есть нечто большее?

Нет, мы не только о Спасителе или о Давиде читаем — но про Церковь, про себя самих. Возьмем пример из нашей современной богослужебной практики. На утрени мы поем строки из сто семнадцатого псалма: *Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* (Пс. 117: 11). Этот псалом пели ветхозаветные евреи во время больших праздников, вспоминая о помощи Божией израильскому народу. В то же время псаломские стихи изображают полную преследований жизнь Спасителя, в особенности Его крестные страдания. Но есть еще и третий уровень понимания данного места: мы прилагаем эти слова к самим себе. Мы вспоминаем, что враги Христовы не умерли, они живы, и должны быть нашими врагами. В нашей ситуации это нечистые духи и наши собственные страсти и грехи, с которыми мы ведем войну. *Обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им* — поем мы об этой борьбе, призывая Господа на помощь. Что же, мы вырываем стих из контекста? Нет. Мы, будучи членами тела Христова, духовно участвуем в этом контексте.

То же самое должно происходить при нашем молитвенном чтении всей Библии. Там каждая строчка о Христе, и о нас — ведь мы Христовы. Мы дети и друзья Его, сродники Его и члены Тела Его. И каждое слово Спасителя, так же как и всякое пророческое слово о Нем, должны как-то исполняться и в нашей жизни. Перед всеми христианами стоит задача научиться читать Писание как книгу о своей духовной жизни. Падения и восстания библейских героев — это наши падения и восстания; заповеди, данные им, адресованы и нам.

Итак, апостолы видели в жизни Спасителя образ, соединяющий в себе всю полноту жизни каждого христианина в отдельности, и всех христиан вместе, объединенных в Церковь Христову. Такими глазами смотрели на Писание первые христиане, таким же взглядом должны смотреть и мы. Бессмертные библейские строки должны стать повествованием о нашей жизни, смерти и воскресении со всеми святыми, полюбившими Бога и слово Его.

Сергей Комаров

ВОПРОС ЧИТАТЕЛЯ:
Почему раньше христианство было сильнее, чем сейчас? Почему современные люди потеряли веру?

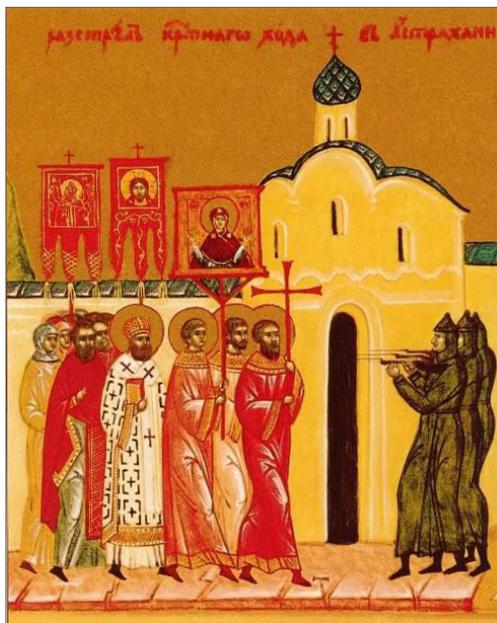
Начну с того, что ощущение, будто раньше вера была мощная, а сейчас слабая — это во многом иллюзия. А причина этой иллюзии в том, что о прошлом мы судим по тому, что сохранилось в памяти человечества. То есть по летописям, книгам, преданиям. Но историческая память устроена так, что в первую очередь запоминаются вершины духовной жизни. Мы читаем патерики, читаем жития святых, читаем древние исторические повести, читаем мемуары церковных людей прошлого — и нам кажется, будто в прошлые века все были такими подвижниками, все глубоко и горячо веровали. Не то, что теперь, когда столько неверующих людей и столько маловерующих, теплохладных!

На самом деле это не так. И в прошлом было множество тех, кто формально считался христианином, был крещен в младенчестве, но по сути от Христа был невероятно далек. Вот взять, к примеру, времена Московской Руси. Был в XVII веке такой подвижник Иов Ущельский из Соловецкого монастыря. Он основал на реке Мезень небольшую обитель, и на него напали местные разбойники, зверски пытали, надеясь узнать у него, где спрятаны монастырские сокровища. Потом убили, отрезали голову. Или вот взять более известную историю, как разбойники до полусмерти

РАНЬШЕ ВЕРЫ БЫЛО БОЛЬШЕ?

избили преподобного Серафима Саровского. Кто были эти разбойники? Инопланетяне какие-то? Язычники? Да ничего подобного! Русские люди, крещеные, наверняка ходившие в церковь, хотя бы по большим праздникам. И таких людей было ну ничуть не меньше, чем подвижников благочестия. Просто история не сохранила их имен. Вот нам и кажется, что были замечательные, глубоко духовные времена, а потом раз — и что-то испортилось, люди потеряли веру.

Но дело, конечно, не только в этой иллюзии. Действительно, в нашей истории столетия назад случилась чудовищная катастрофа, я имею в виду революцию 1917 года и всё, что за ней последовало. На веру начались чудовищные гонения, за верность Христу пострадали сотни тысяч людей, открыто исповедовать себя христианином стало опасно. Поэтому многие верующие затаились, а кто-то и действительно потерял веру. Огромное количество людей, родившихся в советское время, вообще ничего о Боге не знали, с младенчества воспитывались в безверии, и узнать о Нем им было почти невозможно: религиозной литературы в СССР не издавалось, миссионерство — то есть разговор о Христе вне стен храма — считалось уголовным преступлением, тех немногих

смельчаков, кто на такое отваживался, сажали в тюрьму.

Неудивительно, что выросло несколько поколений людей, живущих в безверии. И даже когда все преследования Церкви прекратились, далеко не все из этих неверующих уверовали во Христа. Вера, Церковь казалась им какой-то странной экзотикой. Но ситуация все же улучшается. Мне много приходилось ездить по стране с миссионерскими экспедициями, и сейчас тоже езжу — и вижу, как постепенно меняется отношение людей к

Церкви, к верующим. Если 20 лет назад я шел по городу Архангельску, то при виде меня местные дети говорили вслед: вот, мол, их главный бог пошел. Они не понимали совершенно, что такое Бог, а что такое священник в рясе. Или вот когда в 1998 году я приехал в Пинегу (это Архангельская область), то тамошние дети хихикали: гляди, мужик в юбке идет! А сейчас и на русском Севере, и на Чукотке вид священника никого не смущает, люди подходят, задают вопросы... То есть потихоньку вера (или хотя бы интерес к ней) распространяется и среди тех, кто родился и воспитывался в безверии. И в наше время, кстати, есть немало глубоко верующих людей. Есть и святые люди. Поговорка «не стоит село без праведника, а город без святого» верна и в наши дни. И я бы не стал утверждать, будто праведность и святость наших современников слабее, чем святость подвижников тысячелетней давности.

Но есть и еще один момент. Мысль о том, что вера современных людей слабее, чем в древности, может рождаться от того, что раньше православные державы были, а сейчас их нет. То есть кому-то может казаться, что когда у христиан вера сильная, то они и христианские государства создают, а если государства

светские — значит, вера слабая. Это на самом деле не так. То, что были православные империи — это Промысл Божий, и то, что их сейчас нет — это не случайность, это тоже проявление воли Божией. Почему Господь устроил так, что православных держав не стало? По грехам людей, живущих в тех православных державах — начиная от Византийской империи и кончая нашей Российской. То есть что получается? Что если есть христианское государство, то это вовсе не гарантия, что его население будет жить по-христиански. Вообще, сила христианства вовсе не в политике.

А самое главное — не надо думать, будто «сильное христианство» означает, что христианами станут все поголовно. Господь велел апостолам: «Идите, научите все народы», но это же не значит, что в результате такого научения 100% населения земного шара уверуют и воцеркуются. Это же всегда свободный выбор! Вспомним, что Господь говорит о верующих в Него как о «малом стаде», говорит о том, что узок путь, ведущий к спасению. Само по себе крещение еще ничего не дает, если человек не хочет быть со Христом. Вспомним, что революции делали в массе своей крещеные люди, что храмы взрывали крещеные люди.

Поэтому нужно, чтобы вера жила у нас в сердце, чтобы проявлялась в наших поступках, а не только в том, что мы крестик носим и по воскресеньям в храме бываем.

Протоиерей
Андрей Ближнюк

Среди людей, далеких от Церкви, распространено представление о том, что христианская вера несовместима с состоянием счастья, чувством радости, что быть православным — значит постоянно пребывать в состоянии скорби, в лучшем случае — о своих грехах. Понятно, что эта мрачная картина не имеет или не должна иметь ничего общего с реальностью. Ведь не зря же апостол Павел призывает нас: Всегда радуйтесь (1 Фес. 5, 16). Но что это значит: радоваться по-христиански?

На вопросы о православном понимании счастья отвечает протоиерей Максим Козлов, клирик Московской городской епархии, заместитель председателя Учебного комитета Русской Православной Церкви, профессор Московской духовной академии.

— Отец Максим, имеет ли православный христианин право задумываться о счастье?

— Безусловно. И об этом нужно активно говорить, обращаясь к православной аудитории, потому что, к сожалению, существует определенного рода тенденция в восприятии жизни, особенно среди тех, кто пришел к православию недавно, которая предполагает, что путь ко спасению есть непременно путь страдательный. Если сказать жестче, мысль о том, что исповедание православной веры и счастье несовместимы, предполагает, что Бог хочет страдания людей, в то время как текст Священного Писания, Священное Предание и Тот, в Кого мы верим, отвечают на этот вопрос по-другому: Бог уже здесь, в земной жизни, дает верующим в Него возможность обретения настоящего, а не иллюзорного счастья, которое является началом жизни вечной. Читая жития святых, мы понимаем, что, несмотря на невзгоды и испытания, они были счастливы людьми, — конечно, в другом смысле, чем об этом принято говорить в миру.

— Слово «счастье» не так уж часто встречается в Священном Писании...

— Существительное «счастье» в Новом Завете не встречается вовсе. В Ветхом Завете оно встречается не чаще, чем раз на книгу. Как ни парадоксально, слово «счастье» чаще всего употребляется в книге Иова, которая повествует о страданиях этого праведника.

Прилагательное «счастливы» встречается несколько чаще, но только в бытовом контексте или в этикетных формулах. Например, в Деяниях апостолов апостол Павел обращается к своему собеседнику: *Царь Агриппа! Почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою* (Деян. 26, 2).

Однако я предлагаю обратить внимание на прилагательное, близкое по значению понятию «счастливый», но переводимое на современный русский язык другим словом, — на греческое слово μακάριος. Оно часто встречается в греческом переводе Ветхого Завета и в Новом Завете, который изначально написан на греческом. На церковнославянский язык это слово переводится как «блаженный». В Синодальном переводе Священного Писания это слово не переводится, но если все-таки перевести слово μακάριος («блаженный») на русский язык, то мы получим слово «счастливы». Счастливый — не в смысле «удачливый», а в смысле «онтологически причастный к состоянию единения с Богом».

В английской Библии слово μακάριος переводится как «blessed» (благословенный, счастливый, блаженный. — Ред.), а в немецкой — как «selig» (блаженный, счастливый, радостный. — Ред.). Нельзя сказать, что эти слова относятся к стилистически нейтральному ряду лексики английского и немецкого языка, тем не менее, они широко употребляются в современном языке и, в отличие от церковнославянского «блаженны», совершенно понятны рядовому современному читателю.

Если мы именно так будем понимать заповеди блаженства, то

увидим, что счастье не есть состояние претерпевания или страдательности. Счастливы кроткие, счастливы миротворцы, счастливы гонимые за Христа. Счастливы те, кто понуждает себя к героическому исполнению заповедей, вопреки тому, чему, как во все времена, так и в наше время, зовет их враг рода человеческого и дух века сего.

— Вы говорите о том, что есть два понимания счастья: счастье в том смысле, в котором о нем говорится в Священном Писании, и мирское понимание счастья, которое сейчас как раз доминирует в обществе. В чем же разница? Что является ложным пониманием счастья? Каковы, если можно так сказать, его «ловушки»?

— Ловушки мнимого счастья на пути к счастью подлинному — это уловки врага рода человеческого. Они могут быть весьма разнообразны. В наше время это, чаще всего, обещания иной жизни, чем та, что у тебя есть: ты был бы счастлив, если бы у тебя было больше денег, если бы у тебя была другая жена, если бы ты родился в другой стране... Для человека активно-деятельного эта мысль из области мечты переходит в область планов: ты обретешь возжеланное счастье, если тем или иным способом переместишь себя в эти условия. Однако на пути к такому счастью, как правило, встает одно маленькое препятствие: нужно нарушить заповедь: «Одну или две... Не страшно... А если и страшно, то ради счастья можно и потерпеть», — внушает нам лукавый. Но это неправда. Мы должны твердо помнить, что путь к счастью — это путь к Богу, и он никогда не лежит через сознательное согласие на грех.

— Сейчас наряду со словом «счастье» в обществе используются слова «успех» и «позитив». Опасно ли для христианина стремиться к тому, чтобы быть успешным или «быть на позитиве»?

— Стремиться к успеху — это, прежде всего, рискованно. Нужно помнить, что успех зависит не только от наших усилий, но и от воли Божией. Господь может не благословить те или иные наши начинания. Достижение успеха в той или иной области деятельности не является грехом само по себе. Успех не приносит духовного вреда тому, кто за ним не гонится, тому, для кого он не является целью деятельности. Ведь Господь, по любви Своей, не дает нам «играться» в привязывающие нас к земле «игрушки». Если в моей профессиональной деятельности главным становится совершенствование в той или иной области знаний, не достижение большего уровня навыков и мастерства, а именно «перешагивание» с карьерной ступеньки на ступеньку, Бог ради моего же блага может лишиться меня карьерного

успеха. Поэтому, на мой взгляд, лучший совет относительно того, как быть успешным, заключается в том, чтобы не стремиться к успеху вовсе, — по крайней мере, не желать этого в первую очередь.

С позитивным мышлением связаны две рискованные вещи. Первая для христианина очевидна: себя нужно оценивать реалистично, а не позитивно. Это отнюдь не означает, что мы должны оценивать себя исходя из ложно понятого смирения: что я, мол, подленький, гаденький, и нужно на себя плюнуть и ботинком растереть. Но закрывать глаза на очевидные изъяны или нереализованные возможности, которые есть в нашей жизни, тоже нельзя. Вторая опасность, связанная с позитивным мышлением, заключается в том, что оно предполагает — я немного утрирую, конечно, — восприятие

нашей пропаганда, но, разумеется, она ставила это христианство в вину. Представление о христианстве как о религии утешения и успокоения, конечно, ложно. Религия — это не таблетка и не пластырь и, тем более, не антидепрессант, который может помочь человеку чувствовать себя в действительности комфортнее. Христианство — это религия доставления душевного дискомфорта. Вспомним притчу о мытаре и фарисее. В ней более оправданным из храма вышел тот, кто вышел в состоянии душевного дискомфорта, тот, кому было плохо и тот, кто чувствовал, что вообще не по праву там оказался. А менее оправданным оказался человек, который пребывал в состоянии религиозной комфортности.

— То есть если мы ощущаем себя счастливыми, то это повод испугаться? Задуматься?

Небесному, по отношению к Которому мы часто даже не дети, а рабы неключимые. Но о Его отцовстве мы не должны забывать.

— Сегодня на нас каждый день обрушиваются тонны негативной информации: гибель людей, теракты, войны. Можно ли быть счастливым, зная обо всем этом?

— Нет ничего нового под солнцем. Великий русский философ Алексей Федорович Лосев в свое время говорил, что от несовершенства мира смущается тот, кто мало в своей жизни претерпел. Тот же, кто видел в своей жизни зло и испытания, тот к новым относится бестрепетно. Ну что нового произошло в начале XXI века по сравнению с тем, что было? Да, сейчас теракты — а раньше были варварские завоевания. Сейчас рак — а раньше была чума и моровая язва. Сейчас у нас резкие изменения климата, экологически нечистые продукты — а раньше был голод. Люди часто лишаются самообладания именно от того, что были воспитаны в ощущении, что мир стал стабильным, комфортным. Ведь после Второй мировой войны жизнь, по крайней мере, для некоторой части человечества наладилась так, что ее стало возможно спрогнозировать. У нас появилась иллюзия, что мы сами кузнецы своего счастья. А Господь напоминает нам, что это не так, что без Бога ни до порога. И тогда мы начинаем понимать, что наше внутреннее ощущение полноты бытия не зависит от внешних обстоятельств.

— Но иногда поток негативной информации притупляет чувство сострадания...

— Да, это специфическая болезнь нашего времени — перенасыщенность информационного потока. И здесь можно посоветовать только одно: ограничить поток информации, особенно той, которая касается вопросов, где твоя реакция бессмысленна и бесполезна. Нет нужды слушать новости больше пяти минут в сутки. А можно и вообще не слушать. Все действительно важное расскажут тебе коллеги. Лучше постараться помочь кому-то, с кем ты оказался рядом в реальной, а не виртуальной жизни, кому-то, кто находится в пределах человеческой досягаемости, как говорится, в пределах шести рукопожатий. Вообще, виртуальность, которая как будто бы делает нас человеком мира, одновременно подавляет своим объемом, как подавляли, может быть, в Средние века колоссальные размеры соборов пришедшего в Рим паломника. Но величественный собор рождал в душе человека благоговение перед Богом, а безумные потоки негативной информации внушают нам мысль, что ты, по сути дела, не можешь ничего. Чтобы сохранить самообладание и тем более приблизиться к тому, что мы называем счастьем, мы должны пребывать в реальной, частной жизни. Ведь христианство — в значительной степени персоналистическая религия, она предполагает личные отношения как Бога и человека, так и человека и тех, кого он знает в своем реальном опыте.

— И все-таки можем ли мы сказать, что христианство — это религия счастья?

— Мы можем сказать, что христианство — это религия любви. Любви к Богу и любви к человеку. Любовь Бога к нам превосходит все степени любви, которые мы можем себе помыслить и, конечно, гораздо сильнее, чем наша земная любовь к людям. И если мы, «будучи злы», желаем нашим любимым людям счастья, разве Бог может желать нам чего-то иного?

**Беседовала
Екатерина Иванова**

БОГ ЖЕЛАЕТ НАМ СЧАСТЬЯ

несчастий жизни по известной формуле: «Всё к лучшему в этом лучшем из миров». Но такое отношение к действительности при соприкосновении с реальной трагедией или, скажем мягче, с напряженной драматической ситуацией — тяжелой болезнью близкого человека, утратой, войной, катастрофой — может оказаться картонным домиком. Всем нам нужно избавляться от иллюзорного мышления, учиться принимать жизнь по евангельскому принципу: *довлеет дневи злоба его, то есть довольно для каждого дня своей заботы* (Мф. 6, 34). Жизнь нужно принимать такой, какой сегодня она нам дана, а не выстраивать вокруг нее конструкции, пусть даже самые позитивные.

— К понятию «счастье» также близко понятие «комфорт». Но должен ли православный христианин стремиться к комфорту?

— Об этом в свое время очень хорошо сказал Гилберт Кит Честертон (английский христианский мыслитель, журналист и писатель конца XIX — начала XX века. — Ред.): «Если бы я искал в своей жизни прежде всего комфорта, то полбутылки портвейна дали бы мне его значительно быстрее и проще, чем моя религия». Христианство — это ни в коем случае не религия душевного комфорта. Об этом, кстати, говорила и советская антирелигиоз-

— Нет, мы должны испугаться и задуматься, если мы ощущаем себя собой довольными. Счастливый человек — это не обязательно человек самодовольный. Смотрите, как говорит апостол Павел: Великое приобретение — быть благочестивым и довольным (1 Тим. 6, 6), то есть жить по правде Божией и довольствоваться окружающими нас обстоятельствами, без ропота идти тем жизненным путем, который нам Бог посылает.

— Все-таки очень трудно психологически совместить призыв апостола Павла радоваться и покаянный плач о своих грехах...

— Святой Петр Афонский говорит о том, что спасение обретается между страхом и надеждой: между страхом за то, как я живу, о том, что по грехам моим я достоин ада — и надеждой на то, что Бог по Своему человеколюбию и милосердию меня все-таки спасет. Это, если угодно, антиномия. Но именно в сочетании страха и надежды пролегал средний царский путь христианина — путь спасения. Упование только на милость Божию может вести к нравственной безответственности и попустительству своим грехам. Абсолютизация страха превращает Бога из любящего Отца в карающего Судию, что гораздо ближе не христианству, а другим монотеистическим религиям. Мы обращаемся к Богу как к Отцу нашему

ХРОНИКА СЛУЖЕНИЙ ПРАВЯЩЕГО АРХИЕРЕЯ

Со 20 мая по 11 июня Преосвященный архиепископ Абаканский и Хакасский Ионафан совершил следующие богослужения:

20 мая, накануне дня памяти апостола и евангелиста Иоанна Богослова, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в Спасо-Преображенском кафедральном соборе епархиальной столицы.

21 мая, в день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, — Божественную Литургию и крестный ход по случаю престолового праздника в Иоанно-Богословском храме в г. Черногорске.

Вечером, накануне праздника Перенесения из Мир в Бар град святых мощей святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских, — праздничное Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в Никольском соборе в столице Хакасии.

22 мая, в день святителя и чудотворца Николая, архиепископа Мир Ликийских, престольный праздник Никольского соборного храма, — Божественную Литургию и крестный ход в Никольском соборе столицы Хакасии.

23 мая, накануне дня памяти святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Сло-

венских, — Всенощное бдение, а **24 мая**, в самый день праздника, — Божественную Литургию в Спасо-Преображенском кафедральном соборе. Днем — крестный ход от Знаменского храма часовни до Градо-Абаканского Константино-Еленинского храма, в связи с отмечаемым праздником славянской письменности и культуры.

25 мая, накануне Троицкой родительской субботы, когда Святая Церковь совершает особое поминовение всех от века скончавшихся православных христиан, — Парастас (заупокойное вечернее богослужение), а **26 мая**, в самый день поминовения, — Божественную Литургию в Спа-

со-Преображенском соборе.

26 мая, вечером, накануне праздника Святой Пятидесятницы, воспоминания Сошествия Святого Духа на апостолов и Дня Святой Троицы, — праздничное Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в кафедральном соборе в г. Абакане.

27 мая, в Неделю Святой Пятидесятницы, в день праздника Сошествия Святого Духа на апостолов и в День Святой Троицы, — Божественную Литургию и Великую вечерню с чтением Троицких коленопреклонных молитв в кафедральном соборе.

28 мая, в День Святого Духа,

— Божественную Литургию в Спасо-Преображенском соборе, после которой состоялся традиционный целодневный крестный ход с иконой Божией Матери «Неупиваемая Чаша», обошедший вокруг столицы Хакасии.

31 мая — чин освящения купольных крестов строящегося в Юго-Западном районе столицы Хакасии Благотворительного храма. В мероприятии приняли участие мэр города Н. Г. Булакин, благодетели и строители.

2 июня, в день Отдания праздника Святой Пятидесятницы (Сошествия Святого Духа на апостолов), — Божественную Литургию в кафедральном соборном храме.

Вечером в этот же день, накануне Недели 1-й по Пятидесятнице, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в кафедральном соборе столицы.

3 июня, в Неделю 1-ю по Пятидесятнице, Всех святых, в день праздника Владимирской иконы Божией Матери и день памяти святых равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены, — Божественную Литургию престольного праздника в Градо-Абаканском Константино-Еленинском храме и крестный ход. После богослужения было прочитано Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла по поводу Дня защиты детей.

6 июня, в день воспоминания третьего Обретения главы Пред-

течи и Крестителя Господня Иоанна, — Божественную Литургию в Спасо-Преображенском соборе.

8 июня, в день памяти св. апостолов Карпа и Алфея, мученика Георгия Нового, преподобного Варлаама Хутынского и в день своего рождения, в сослужении всего духовенства епархии — Божественную Литургию в кафедральном соборе и чин погребения новопреставленного протоиерея Виталия Филипчука.

9 июня, в субботу, в день памяти священномученка Ферапонта, епископа Сардийского, и праведного Иоанна Русского, — Божественную Литургию в главном соборе кафедрального града.

Вечером, накануне Недели 2-й по Пятидесятнице, Всех святых, в земле Русской просиявших, — праздничное Всенощное бдение с литией и освящением хлебов в кафедральном соборе в г. Абакане.

10 июня, в Неделю 2-ю по Пятидесятнице, в день памяти Всех святых, в земле Русской просиявших, — Божественную Литургию в кафедральном соборе столицы Хакасии.

11 июня, в день памяти святителя и исповедника Луки, архиепископа Красноярского, — чин великого освящения походного престола епархиального миссионерского храма-автобуса во имя Семидесяти апостолов и Божественную Литургию в Спасо-Преображенском соборе.

Отошел ко Господу протоиерей Виталий

5 июня 2018 г. в результате смертельных травм, полученных в дорожной аварии, скончался клирик Абаканской епархии протоиерей Виталий Филипчук.

Протоиерей Виталий родился 2 августа 1974 г. В 2001 г. рукоположен в сан диакона, в 2002 г. — в сан священника. Параллельно учился в Томской духовной семинарии, которую закончил в 2007 г.

Служил на приходах Абаканской епархии 17 лет, из них наибольшее время — в должности настоятеля Никольского собора. Являлся сотрудником епархиального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями, опекая военнослужащих железнодорожной бригады. В 2015 году во внимание к трудам на благо Святой Церкви по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла возведен в сан протоиерея.

Чин отпевания 8 июня в Спасо-Преображенском кафедральном соборе возглавил Архиепископ Абаканский и Хакасский Ионафан. Погребен отец Виталий с южной стороны Никольского собора, настоятелем которого он являлся долгие годы.

Отец Виталий был прилежным священнослужителем, пользовался уважением и поддержкой среди духовенства и прихожан. Несмотря на значительную богослужебную нагрузку, всегда был готов внимательно выслушать людей, вникнуть в суть их проблем, утешить добрым советом.

Духовенство и миряне епархии молитвенно скорбят по поводу этой безвременной потери, соединяя скорбь с надеждой воскресения. *Блажен, егоже избрал еси и приял, вселится во дворех Твоих* (Пс. 64: 4).

В Хакасии освящен походный храм-автобус

11 июня 2018 года, в день памяти святителя и исповедника Луки, архиепископа Красноярского, Преосвященный Ионафан, архиепископ Абаканский и Хакасский, совершил Божественную Литургию в Спасо-Преображенском соборе столицы Хакасии.

Владыке сослужили руководитель миссионерского отдела Абаканской епархии протоиерей Рустик Мшенецкий и клирики Центрального благочиния.

Проповедь по пении причастного стиха произнес иеромонах Палладий (Винников).

Перед началом Литургии архипастырь совершил чин великого освящения походного престола епархиального миссионерского храма-автобуса во имя Семидесяти апостолов.

Во время чина престол был окроплен святой водой, прочитаны особые молитвы, его верхняя доска утверждена посредством воскомастиха и гвоздей. Престол был омыт водой и вином, смешанным с розовой водой, помазан святым миром, облачен в нижнюю одежду, обвязан вервью, а затем на него была возложена индития и ранее освященный антиминос со святыми мощами. По заамвонной молитве архиерей, священнослужители с походным престолом в руках и прихожане вышли крестным ходом к стоящему у западного входа собора храму-автобусу. Здесь было совершено каждение храма и окропление его святой водой, а также прочитана заключительная молитва.

В завершение богослужения Правящий архиерей проповедовал, поздравив всех со значимым для Русской Православной Церкви и в особенности для Сибири днем памяти святителя Луки.

В Кожухово строится храм-часовня

5 июня, во второй день Петрова поста, по благословению Правящего архиерея на строящийся храм-часовню в честь святых и праведных Богоотцев Иоакима и Анны в д. Кожухово Орджоникидзевского района Хакасии был водружен крест. Чин освящения креста совершил благочинный приходов Северного округа игумен Лазарь (Казанцев). Сразу же после освящения крест, водруженный на главном куполе храма, был поднят краном и водружен на шатре центральной части храма.

Инициатива строительства этого деревянного храма-памятника принадлежит родителям, чьи дети погибли в страшном пожаре 12 апреля 2015 г. Полностью сгоревшая тогда деревня остроена заново. По просьбе жителей и при личном участии Главы Республики Хакасия В. М. Зимины нашлись благодетели, пожелавшие принять участие в этом добром деле. Осенью 2017 г. был заложен фундамент храма и начато строительство.

Молодежный отдел организовал поход в Бородинскую пещеру

10 июня 2018 г., в Неделю всех святых в земле Русской просиявших, молодежный отдел Абаканской епархии организовал поход в Бородинскую пещеру для приходской молодежи городов Абакана и Саяногорска.

Перед спуском инструкторы-спелеологи рассказали об истории открытия пещеры, ее достопримечательностях. Затем начался трехчасовой поход под землей. В конце пещеры протоиерей Рустик Мшенецкий и его подопечные совершили вечернее богослужение святителю Луке, архиепископу Красноярскому, память которого Церковь совершала на следующий день.

После выхода из пещеры, ребята также посетили приход в честь Феодоровской иконы Божией Матери в с. Бородино.

Верующему православному человеку важно задаваться вопросом: все, что мы делаем: наши паломничества, возжжение свечей, ночные бдения, молитвы, посты, милостыня — все наши поступки — для чего они? Почему мы их совершаем? От того, каким будет ответ на этот вопрос, зависит правильность или неправильность нашей духовной жизни.

Бывало, я спрашивал детей в православных летних лагерях: «Какая Божия заповедь самая главная?» И все дети вспоминали разные заповеди: не укради... не лги... не суди... почитай отца и мать... возлюби ближнего своего... Никто из них и не подозревал, что ни одна из перечисленных заповедей не является первой.

Люди думают, что первая заповедь — «возлюби ближнего». Но когда я говорю детям: «Нет, это не первая заповедь», — ребёнок отвечает: «Да, да, я знаю...» «Какая же?» — спрашиваю. — «Плодитесь и размножайтесь...» Но, конечно же, это не первая по значимости заповедь.

Первая и единственная заповедь, данная Богом, от которой пошли уже все остальные заповеди, — возлюбить Господа Бога всем сердцем. Сам Христос говорил, что первая заповедь — это «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Мк. 12: 30).

А вторая заповедь — похожая на первую, вытекающая из неё — это та, в которой говорится: «Возлюби ближнего своего». Все остальные являются продолжением этих двух. Если вы любите своего ближнего, то не будете красть у него, лгать ему, не будете несправедливы к нему, ничего не будете желать из его имущества, ни жену его, ни дом его, не будете осуждать его... Вот что подразумевается под словами «продолжение первой заповеди». «Возлюби ближнего своего» как раз является её продолжением. Если вы действительно любите Бога, то для вас невозможно не любить своего ближнего. Человек, который любит Бога, будет — естественно, в продолжение своей любви к Богу — испытывать любовь и к своим братьям и сёстрам.

Итак, первая и единственная заповедь Бога — любить Самого Господа Бога всем сердцем. Благодаря ей все, что бы мы ни делали в Церкви, обретает чёткую цель. Именно поэтому мы совершаем паломничества, постимся, молимся, исповедуемся, зажигаем свечи, читаем жития святых, делаем все остальное — это наш способ любить Христа.

Ошибка же возникает тогда, когда мы говорим, что делаем все это, чтобы просто стать хорошими людьми, чтобы стать лучше. И именно тут самая большая ложь. Это шаг, делая который все спотыкаются. Потому что, если бы целью Церкви было только стремление сделать нас лучше, то не было бы необходимости ни в личных отношениях с Христом, ни какой-либо причины для прихода Христа в этот мир.

Как вам кажется, почему мы не способны понять святых? Или, говоря проще, почему мы не можем понять тех, кто любит Бога?

Мы говорим: «Разве так необходимо было все это делать, чтобы спасти, чтобы быть рядом с Богом? Разве так необходимо уходить для этого в горы? Неужели и мы должны делать все так, как делали святые?» Конечно, нет. В этом нет нужды. Но если бы мы поняли, что наши отношения с Богом нужны не только ради спасения, но и для выражения нашей любви к Нему, то тогда нам бы стали понятны и святые, и их поступки.

Эти поступки не могут быть истолкованы при помощи одного лишь разума, потому что любовь выходит за пределы логики. Даже мирская любовь, любовь одного человека к другому человеку. Когда, например, кто-то собирается вступить в брак и любит своего избранника: молодой человек любит свою невесту, девушка любит своего жениха... Они могут поступать совершенно иррационально. Если, например, вы спросите его или её, кто самая красивая или самый красивый в мире, каждый, наверняка, назовёт своего возлюбленного (возлюбленную). Потому что они смотрят глазами любви. Мы, естественно, увидим другое. Если вы спросите влюблённую девушку, кто лучший человек в мире, она расскажет вам о том, кого любит, и расскажет самыми лучшими словами. Она не заметит в нем никаких недостатков, она не может видеть ничего плохого в нем, потому что любовь выше этого.

Любовь не может быть навязана логикой. Любовь выше логики. Поэтому мы не можем применять критерии мирской логики к тем людям, которые любят Бога. Святые руководимы своей логикой, которая

отлична от мирской, потому что их логика — это «логика» любви. Так что Церковь не учит нас просто становиться хорошими людьми — хотя и этому тоже. Это все азы. Наша Церковь учит нас любить личность Господа нашего Иисуса Христа.

Жизнь в Церкви развивает отношения, но это личные отношения между человеком и Христом, а не между человеком и учением Христа, не между человеком и Евангелием, нет. Евангелие — это то, что помогает нам достичь вершины любви к Христу. Когда мы достигнем этой точки, Евангелие нам больше не понадобится. Не будет необходимости ни в чем, все прекратится, останутся только отношения человека с Богом. В этом разница между Церковью и религией.

Религия учит выполнять свои обязанности так, как это делали идолопоклонники. Вот, например, мы отправились в паломничество, проявили наше почтение, положили немного денег в ящик для пожертвований, оставили несколько зажжённых свечей,

даже немного наших молитв и записок, причастились. Все перечисленные действия и есть религиозные обязанности, которые мы исполнили. Но наше сердце никак не изменилось при этом. Время, отведённое нам, подходит к концу, а мы такие же, какими были раньше: готовы наброситься друг на друга, поспорить, приуныть снова так же, как и раньше... Наше сердце не меняется. Мы не входим в отношения с Христом, потому что ограничиваемся просто религиозными обязанностями.

И вы, наверняка, знаете таких людей — «религиозных»: это самый страшный тип в Церкви. Они по-настоящему опасны. Сохрани нас Бог от них... Однажды, когда я служил в храме и мы возглашали «Господи, спаси благочестивых...», монах со Святой Горы в шутку заметил: «Господи, спаси нас от благочестивых...» Иными словами, избави Бог нас от таких «религиозных», так как словосочетание «религиозный человек» подразумевает искажённую личность, у которой никогда не было личных отношений с Богом. Люди такого типа только выполняют свои обязанности по отношению к Богу, но не стараются вступить в какие-либо отношения с Богом, поэтому Бог ничего и не даёт им. Должен признаться — и это я говорю, основываясь на моем собственном опыте, — что я никогда не видел худших врагов Церкви, чем «религиозные люди».

Всякий раз, когда дети религиозных людей или священников и богословов — или даже тех, кто в Церкви ведут себя как богословы, осознавая собственную важность, — пытались стать монахами или священниками, они, родители, становились хуже демонов. Они начинали раздражаться, превращались в злейших врагов. Я помню родителей, которые охотно приводили детей на проповедь, но, когда их дитя делало шаг вперёд к тому, чтобы исполнить услышанное на проповеди, они становились худшими из людей, каких только можно представить. И мне приходилось напоминать им: «Ведь вы же сами привели ребёнка на проповедь, а не я».

Как-то однажды я сказал отцу, чья дочь имела большую ревность о Церкви: «Не думаю, что вам и дальше надо приводить свою дочь на проповеди. Не приводите её и беседовать со мной. Ваша дочь станет монахиней, и в этом вы будете винить меня». Он ответил: «Нет, батюшка, такого не может быть, мы вас так почитаем!» А его дочь и в самом деле стала монахиней... Прошло семь лет, а он все ещё не разговаривает со мной...

Люди, которые не пропустили ни одной проповеди... те, кто всегда первый на ночных бдениях, при чтении книг... Они всегда приводят с собой своих детей... Но когда приходит время проявить ребёнку свою свободу — решить самому, какой путь выбрать, эти люди перемещаются в совершенно противоположный лагерь, тем самым доказывая, что Христос никогда не говорил с их сердцами. Они были просто «религиозными людьми». Вот почему в Церкви с ними труднее всего. А знаете почему? Некоторые из них никогда не смогут излечиться, потому что они думают, что близки к Богу.

Грешники — «неудачники», так сказать, — по крайней мере, осознают, что они грешники. Вот почему Христос сказал, что мытари и блудницы войдут в Царство Божие, а фарисеям сказал так: «Вы, «религиозные», не войдёте в Царство Божие, потому что слово Господа никогда не меняло ваше сердце», — они лишь присоединялись к соблюдению религиозных формальностей.

Итак, нам нужно собрать все наше внимание и понять, что Церковь подобна больнице, которая лечит нас и помогает любить Христа, а любовь ко Христу есть пламя, которое загорается в сердце, чтобы мы могли проверить себя, увидеть, находимся ли мы в Божией любви. Если мы заметим в себе какие-либо формы злобы, эгоизма и порока, то должны осознать и признать, что Христос не может быть в нашем сердце, когда оно полно «уксуса».

Как можно молиться и в то же время быть полным желчи по отношению к друго-

которого царит гармония, а, к сожалению, нас, со всеми нашими страстями и всем нашим уксусом. И они неизбежно говорят: «Что? Стать одним из этих? Нет, не хочу!»

Вот мы совершили паломничество, пообщались с духовными отцами, приложились к святым мощам, увидели Святую Гору. Какова же в итоге польза? Изменилось ли наше сердце? Стали ли мы добрее? Или смиреннее по отношению к тем, кто живёт с нами в одном доме или в одном монастыре, трудится на одной работе? Только это имеет значение. Если мы не добились этих изменений, то давайте, по крайней мере, покаемся в этом и станем скромнее.

Если нам не удалось измениться, то мы достойны многих слез — и сочувствия. Потому что, к сожалению, время летит, годы идут... Когда отца Паисия спросили, сколько лет он прожил на Святой Горе, он ответил: «Столько же, сколько и мул моего соседа. В тот год, когда я приехал на Святую Гору, мой сосед купил себе мула. Мы с ним одинаковое число лет живём на Святой Горе, и все же бедное животное так и осталось мулом. Как и я: я не изменился».

Мы, священники и монахи, как правило, любим говорить: «Я жил в монастыре столько-то лет». Например, 40. Но вы не понимаете, что эти годы не пошли вам на пользу. Бог скажет вам: «40 лет! И тебе до сих пор не удалось кем-то стать? Ты все ещё сердисься, порицаешь, споришь, упрямисься, не смиряешься? У тебя было 40 лет, а ты так и не выучил азы монашеской жизни, христианской жизни? Что Мне делать с твоими годами? Что Мне делать с тобой, если ты, проведя столько лет с верой, не можешь по-доброму поговорить с человеком? Для чего Мне тогда все, что ты сделал?»

Это оборачивается против нас. Я говорю в первую очередь о себе. Потому что ко мне, прежде всего, относятся эти слова. И поскольку я знаю такое за собой, то рассказываю и вам.

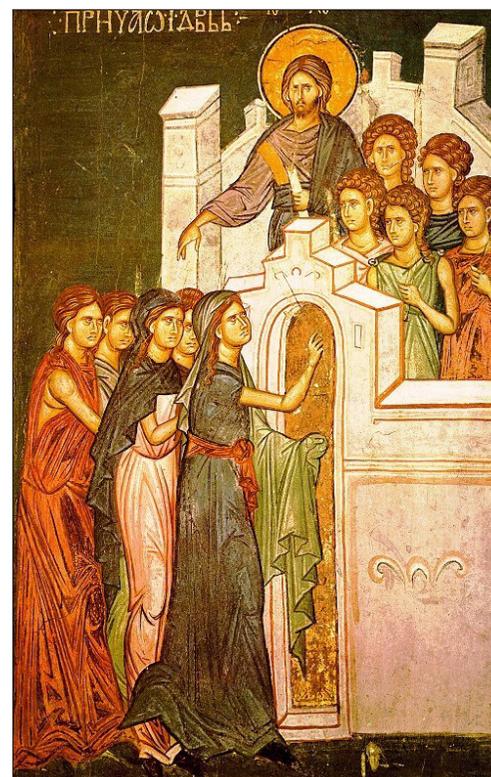
Надо сказать, что такое осознание, по крайней мере, смиряет нас. Если мы начнём смирять и останавливать себя в великих мыслях о собственной персоне, то, может быть, тогда начнём постепенно исправляться через покаяние — которое рождается из смирения. Человек, который не стремится оправдать себя, действительно раскаивается. Тот же, кто ищет себе оправдание, никогда не покается; и тот, кто всегда оправдывает себя — и внешне, и внутренне, никогда не узнает, что значит покаяние. Вот почему мы всегда должны наблюдать за собой. «Испытайте себя» (2 Кор. 13: 5), — говорит апостол. Исследуйте себя, чтобы увидеть, есть ли внутри вас любовь к Богу. И если мы живём в покаянии, то Бог может вернуть нас к жизни — и мы станем исцелёнными от страстей и грехов.

Многие спрашивают, как же достичь этого? Когда мы предадим себя в руки хорошего врача — Господа Бога, когда мы доверим себя Ему в любых обстоятельствах и трудностях, то Бог, знающий, что лучше для каждого из нас, поведёт нас по таким путям, которые будут медленно-медленно, в течение многих лет, улучшать нас. Все, что нам нужно сделать, — это предать себя Богу с таким доверием, с каким мы относимся к врачу или, скажем, к капитану судна. Мы не скрываем нашего доверия. Он ведёт нас, и мы не беспокоимся о цели и времени прибытия, потому как знаем, что у руля корабля — внимательный, бдительный, осторожный человек, который знает дорогу.

Ещё один важный момент, о котором следует сказать, — вопрос времени. На что мы его тратим? Самая трагичная ситуация в доме — это когда все сидят перед телевизором и никто друг с другом не разговаривает. Время уходит, а люди не общаются. И что горше всего: то, что мы смотрим по телевизору, — это источник наихудшего разложения для наших близких, особенно детей. Однажды, плывя на корабле в паломничество, я обратил внимание на одно из мест, где обычно бывает молодёжь. Там предлагались прохладительные напитки, и там был включён телевизор. И, хотя никто не обращал на него внимания, он продолжал работать. Я простоял так с минуту, чтобы понять, что показывают — хотя я так и не знаю, что это был за фильм. Показывали нескольких людей, которые гнали за другими людьми. Это была непрекращающаяся погоня. Было оружие, пули, машины, взрывы, прыжки с одного дома на другой... И это видят ваши дети, смотря телевизор.

Продолжение на 6-й стр.

ЛЕКАРСТВО ОТ ФАРИСЕЙСТВА

му человеку? Как можно читать Евангелие и не мириться со своим братом? Как можно говорить: «я в Церкви на протяжении столько-то лет» — как монах, священник или кто-либо иной — и не являть то терпение, с которым нужно относиться к ближнему? Не приняв этого, вы ничего не добьётесь. Абсолютно ничего.

Мы помним, как Христос сказал пяти девам, что не знает их. Он покинул бы их и в свадебном зале, даже если бы они обладали всеми возможными добродетелями, потому что им не доставало любви. И этим бы Он сказал им: «Вы можете хранить девство, делать тысячи благих дел, но не постигнете сути того, что является самым важным».

Если нет любви, то какой смысл от того, съем я или не съем сегодня оливкового масла? Я могу, к примеру, строго поститься и не есть оливковое масло, но при этом мучить брата моего с утра до вечера... На Святой Горе обычно говорят: «Не спрашивай меня, ем ли я рыбу; пока человек не съел рыбака, он может есть рыбу» или «Пока ты не съел того, кто даёт масло, можешь употребить в пищу немного оливкового масла». «Съесть» кого-то своим язвительным языком гораздо хуже, чем съесть полную ложку оливкового масла. И, тем не менее, мы обращаем больше внимания именно на это: едим масло — не едим масло, едим рыбу — не едим рыбу...

Кто-то может окунуть свою ложку в какое-то блюдо, и это станет причиной большой ссоры с другим человеком только потому, что до этого он опускал эту ложку в другое блюдо... Вы видите, как смешно все это и как потешаются над нами демоны, а также и те, кто находится вне Церкви. И когда они обращают свои взоры на нас, то видят не тех, кто, живя в Церкви, постепенно уподобляется Иисусу Христу, становится добрым и разумным человеком, в душе

ЛЕКАРСТВО ОТ ФАРИСЕЙСТВА

Продолжение.
Начало на 5-й стр.

Так много насилия!.. Я даже не говорю обо всех других непристойностях, которые не хочется упоминать и которые разрушительны даже для взрослых людей. И не говорите мне, что все не так, я знаю об этом из первых уст — из признаний, которые мы слышим на исповеди. Взрослые и пожилые люди, очень уважаемые, разрушаются под действием телевидения, всей той пошлости, которая на них обрушивается каждый день. Я не имею в виду сейчас какое-то особое разрушительное влияние, я имею в виду все в целом — все насилие, исходящее от телевидения. Чего ждать от детей, не огражденных от жестокости? Естественно, они и будут непослушными и своенравными, и будут совершать поступки, чуждые их природе!

У вас не возникает мысли, насколько это уродливо, когда маленькие дети подражают взрослым? Они копируют их, тем самым уничтожая свою детскую непосредственность. Мне не раз приходилось присутствовать на каком-нибудь мероприятии, где непременно были и дети, которых заставили танцевать. И вот перед вашими глазами девочки и мальчики, лет 10—12, совсем невин-

ные, делают танцевальные движения, скопированные у женщин постарше — женщин бесстыдных, с совершенно другой моралью. Вы становитесь свидетелями того, как дети уничтожаются этим подражанием взрослым, которых они видят по телевизору. Они уничтожаются ещё и тогда, когда предоставлены заниматься, чем им угодно, и развлекаться, как им угодно. Это катастрофа.

И не только с точки зрения духовной, но и с точки зрения вообще любой: психологической, социальной, семейной. Держите детей как можно дальше от всего подобного. Помогите своим детям быть независимыми от телевизора, потому что иначе они преисполнятся дурных примеров. И вы тоже. Если вы не решаете своим детям смотреть безнравственные фильмы, но сами так поступаете, то что толку? А какие глупые предупреждения предваряют фильмы! Нельзя смотреть детям до 18, или до 12 лет, или ещё какого-то возраста. Конечно, эти предупреждения только подогревают юношеское любопытство. И подростки обязательно посмотрят такой фильм. Им кажется, что если этот фильм запрещён для всех, кто младше какого-то возраста, то он должен содержать что-то, заслуживаю-

щее особого внимания.

Мне кажется, все разрушения, которые наносятся внутреннему миру людей, и не перечислять. Ясно же, что хорошие примеры, о которых знает человек, чрезвычайно полезны для его духовной жизни. То же самое применимо и к противоположному: скверные примеры, свидетелем которых стал человек, создают так много худших ситуаций в его жизни, что причинённый ими ущерб фактически неисчислимы, а иногда мы даже не можем сказать, поддаётся ли это лечению вообще. И если бы кто-нибудь занялся наблюдением и изучением этого, то увидел бы, как разрушительно действует телевидение на человеческую душу, особенно молодых людей.

Оно разрушает общение, убивает время, уничтожает невинность человеческой души, а когда человек уже искорёжен, он перестаёт стремиться что-то делать. Его душа заполнена вещами, которые утомляют его, и он ещё удивляется, почему это он так устал, — и не может понять, почему... Проведите эксперимент: устраните или, по крайней мере, сведите до минимума пользование подобными вещами — и вы увидите, насколько спокойнее вы станете и сколько свободного времени будет в вашем распоря-

жении, которое можно провести гораздо более плодотворно.

Конечно, эти вещи не связаны с нашей духовной жизнью, потому что духовная жизнь есть продукт всей деятельности человека в целом. И я не хочу призывать к отказу от телевизора вообще. Я не против него как такового, но дело в том, что все эти явления делают нашу жизнь труднее, вместо того чтобы облегчать её, и они разрушают её так же, как и технический «прогресс», который её модернизирует. Вы поднимаетесь на борт самолёта — и вот вы уже далеко. Вы садитесь на корабль — и вот уже почти достигли цели. И вам не нужно грести вёслами, как это делали в старину. Есть тысячи других удобств, которые, конечно, облегчают нашу жизнь, но также порождают и одну большую проблему, приводя нас к потере себя, красоты жизни и, в конечном итоге, разрушая мир, в котором мы живём.

Нет сомнений, что все это коверкает нашу личность. Но все-таки будем помнить слова Христа: «Невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18: 27). Ведь вокруг нас чудеса Божии, которые творятся даже сегодня. Ведь, вопреки всей нашей погружённости в информационную стихию

и нашему скепсису и вопреки такой доступности греха, все ещё существуют люди, любящие Бога, и огромное чудо человеческого спасения становится реальностью, несмотря на наши слабости, проблемы, трудности, наше «я».

Именно поэтому ради решения всех проблем и ответа на все вопросы нужно открыться для любви к Богу. А когда человек полюбит Бога, Бог его излечит и воскресит, и даже если человек мёртв и разлагается — Бог восстановит его, если человек выбросит из своего сердца все бесполезное и оставит в нем только любовь к Богу, и станет строить свою жизнь в соответствии с этой любовью, и будет стремиться достичь вершины любви к Богу — всей своей жизнью, всем, что имеет, и всем, что делает. Если человек так поступит — это будет означать, что он действительно пришёл в эту жизнь, чтобы наслаждаться ею, и его жизнь станет раем, потому что рай есть не что иное, как любовь Божия, в то время как «ад» — не более чем отсутствие Его любви.

Нельзя забывать о том, что все, что мы совершаем, должно происходить только по этой причине. Наша жизнь не должна быть «религиозным поведением». Мы должны стать людьми, которые любят Бога, чтобы наша жизнь смогла преобразиться, а мы сами смогли бы уподобиться Господу нашему Иисусу Христу.

**Митрополит
Афанасий (Николау)**

Зачем храмы украшают изображениями винограда?

Если мы присмотримся к убранству любого храма, старинного или современного, то обязательно увидим виноградную лозу. Резные листья и грозди «увивают» фасады, иконостасы и киоты, в монументальной декорации заполняют собой плоскости стен или обрамляют медальоны с изображениями святых. Этот узор украшает и церковную утварь, прежде всего — потир, сосуд для Причастия.

Ведь Спаситель сказал на Тайной Вечере: *Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — Виноградарь... Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода (Ин 15:1, 5).* Сильный и ясный образ вошел в раннее христианское искусство. Поначалу художники опирались на изобразительные традиции поздней античности. Они создавали довольно подробные сцены осеннего сбора винограда. Например, на мозаичном своде мавзолея Констанции в Риме работники собирают спелые гроздья и делают вино. Здесь же бродят птицы, клюют плоды и пьют из чаши. Это уже указание на Евхаристию: птицы символизируют христиан, принимающих Тело и Кровь Христовы. Позже композиция стала строгой и симметричной: по бокам чаши стоят павлины, над чашей может быть хризма — монограмма Христа.

Виноградная лоза означает Церковь, члены которой питаются из единого источника — Христа. Эта

идея выражена в иконографии «Христос Лоза Истинная». На древе восседает Христос Пантократор, чья фигура крупнее остальных. Ветви образуют медальоны с изображениями апостолов, Богородицы, Иоанна Крестителя.

В храме нет ничего случайного. Орнамент не носит лишь декоративный характер, но напоминает нам о наставлении Христовом, о необходимости возделывать виноградник своей души, отсекая сухие ветви и возвращая хорошие плоды.

Дмитрий Трофимов

В Казани освящены кресты на купола собора на месте явления Казанской иконы Божией Матери

18 июня митрополит Казанский и Татарстанский Феофан совершил чин освящения крестов на купола строящегося собора Казанской иконы Божией Матери в г. Казани.

Два года назад президент республики Татарстан Р. Н. Минниханов подписал Указ о воссоздании ранее разрушенного собора, который был построен на историческом месте обретения Казанской иконы Божией Матери. В настоящее время строительство здания собора практически завершено, ведется его отделка.

Епископ Пантелеимон посетил больницу для душевнобольных

20 июня председатель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон встретился с главным врачом психиатрической клинической больницы № 1 имени Н.А. Алексеева Георгием Костюком.

На встрече обсуждались вопросы взаимодействия между медицинскими учреждениями и Церковью, помощь добровольцев в столичных больницах, европейский опыт работы больничных капелланов. В беседе принял участие настоятель больничного храма в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» протоиерей Александр Церковников.

МЕДАЛЬ

По окончании стажировки иеромонах Евгений был направлен в глухое село, да еще и жилье перепало за три километра в полупустой деревне. Изба оказалась старинной, большой и поначалу отцу Евгению необыкновенно понравилась: он любил все старинное и традиционное.

Правда, начало это выпало на теплую осень, зато зимой, когда углы ветхого сруба покрылись изнутри густым инеем, молодой батюшка загрустил: сколько ни топи, изба вмиг выстужалась. Кровать пришлось переставить вплотную к печи, а спать — в шапке-ушанке, завязанной под бородой. Однако невзгоды он претерпевал стойко: ни одной службы не отменил и на требы ходил безотлагательно. Бывало, заметет за ночь дорогу, а он рано утром — еще и бульдозер не прошел — пробивается через сугробы к храму, торит трехкилометровую тропу. И в этом героическом подвижничестве молодой иеромонах отслужил долгую зиму, что вызвало у немногочисленных прихожан благодарное чувство. И вот, когда уже началась весна и потеплело так, что изба наконец просохла, отец Евгений впервые в священнической жизни своей столкнулся с грубой-прегрубой клеветой, которая показала ему столь значительной, что он впал в отчаяние.

Его обвинили в сожительстве с некоей Анимаисой.

— Это кто? — растерянно спросил он у старухи-соседки.

— Как — кто? Баба!

— Уже неплохо для нашего времени, — признал иеромонах, — да хоть кто она есть-то?

— А помнишь, в магазине ба-лакала?

— Пьянехонькая такая?

— Она.

— Ужас! — отец Евгений вспомнил безобразно пьяную тетку, которая донимала всю очередь матерной болтовней.

— Ужас не ужас, а ночевать к тебе в четверг приходила.

— Да откуда ж вы это взяли?

— А — говорят! — победно заключила соседка.

И поведала, что муж у Анимаисы сидел, но в четверг преждев-

ременно воротился. А дома у нее был сварщик с газопровода. Муж зарезал сварщика, хотя и не до смерти: одного забрали в больницу, другого — обратно в тюрьму. Ну, Анимаиса к монаху и подалась.

Батюшка представил поножовщину лихих мужиков, лужу крови, врача со шприцем, милиционеров с наручниками и несчастную Анимаису, которая после всего выпитого и всего случившегося отправляется в ночь за три километра пешком, чтобы обольстить незнакомого человека.

— Бред какой-то, — заключил иеромонах.

— А — говорят! — обиделась старуха-соседка.

Отца Евгения эта напраслина так придавила, что он словно постарел. И до середины лета жил подавленным и постаревшим. На преподобного Сергия поехал в Лавру. Поисповедовался, а потом рассказал о своих скорбях. Старенький игумен спокойно сказал:

— Медаль.

— Что — медаль? — не понял отец Евгений.

— Считаю, что заработал медаль, — пояснил игумен. — На орден эта клеветка не тянет, а на медаль — вполне. Так что иди и благодари Господа.

— Господи! Как здорово-то! — воскликнул отец Евгений.

Вернулся заметно помолодевшим. Отслужил благодарственный молебен и бросился совершать новые подвиги, навстречу грядущим медалям и орденам.

Священник Ярослав Шипов

Что скрыто в самом кратком послании апостола Павла?

Нечто простое и цельное раскрывается в самом кратком из посланий апостола Павла – в его послании к Филимону.

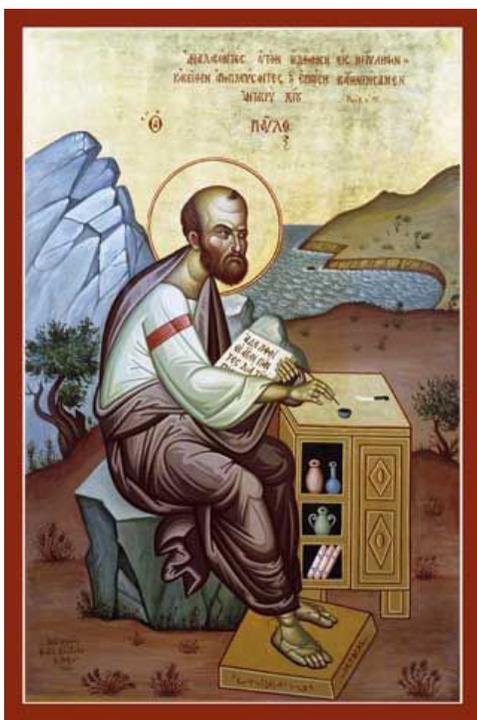
С первого взгляда это лишь ходатайство апостола за раба Филимона Онисима, который убежал от хозяина своего. Находясь в бегах, он стал христианином и теперь должен возвратиться к хозяину. Чтобы облегчить бежавшему рабу спокойное возвращение, апостол пишет это сопроводительное письмо.

Историческая основа послания, действительно, такова. Нравственно в нем преподается учение о равенстве во Христе рабов и свободных, о жизненной любви к людям, о деятельном общении веры. Духовно же послание апостола Павла к Филимону есть апостольская притча о блудном сыне. Апостол властью своего священства творит новую притчу о блудном сыне. Эта притча рассказана самой жизнью, но подлечит точно такому же духовному толкованию, каким Церковь толкует все Евангельские притчи.

Истинное толкование притч — не символическое. Мир символики шаткое основание для рационализирующего человеческого ума. Евангельское объяснение притч духовное, при нем подробности остаются свободными. Убедительность духовного толкования по церковному методу обуславливается основной линией, сердцевинной каждого Евангельского события или притчи. Это происходит само собой, потому что в Евангелии притча есть такое же жизненное событие, как и всякое другое, и всякое жизненно совершившееся событие Христова Евангелия есть немая вечная притча.

Давайте всмотримся в данную апостольскую притчу. Она выражает целостное христианское мироощущение. Здесь образ хозяина есть Образ Бога; бежавший раб — человек; апостол — священство Божие возвращает бежавшего.

Христова Евангельская притча, возносящая блудного человека на совершенную

высоту Божьего сыновства, раскрывается апостолом-человеком в том образе образе неключимого раба, который в дальнейшие века христианства привлечет к себе все смиренное человечество. Ведь сами люди не могут дерзать говорить о своем сыновстве Небесном. В оценке себя, кто такой человек, как не бежавший раб Божий?

Бежавший раб Божий вот полное определение каждого человека, полное именование ветхого Адама, то есть состояния нынешнего человечества. Мы бежавший от Бога раб Его Адам, которого апостол в своей притче-жизни называет Онисимом.

Онисим-раб представляет какую-то ценность у Небесного Хозяина. Самое его имя означает «полезный». Он должен быть возвращен к Филимону. Этого требует даже

смысл имени Филимона: «Филимон» ведь это «любимый», «целуемый».

Совершилось грехопадение раб убежал от Владыки, ушел в свою волю. И вот раб этот бродит по грязным рынкам жизни, пробавляется как нищий, без пристанища. Как рыба плавает в море, так бежавший раб бродит по жизни и попадает к апостолу, посланному для привлечения бежавших рабов Божиих.

Сетью любви Небесной уловляется полезный пред Божьей любовью Онисим. Он привязывается к тому, кто стал орудием его привлечения. А этот, апостол Христов, с каким уже сыновним дерзновением о Христе говорит «Возлюбленному Сотруднику» своему Отцу Небесному: Имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, (заклинать Тебя!) что должно, по любви лучше прошу, не кто иной, как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа, прошу тебя о сыне моем (рабе Твоём) Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне, я возвращаю его, ты же прими его, как мое сердце... Каким голосом дерзновения ибо, великой любви говорит апостол! Где слышалось такое дерзновенное слово?.. Священный голос Иова посредника между Богом и сыновьями своими звучал так...

Полезный раб Онисим возвращается к Владыке. Смущенным, смиренным, кающимся возвращается блудный сын к дому своего Господина. Блудный сын сам пришел к Отцу; блудному же рабу указать путь правды может только свободный.

Свободный о Христе, старец Павел, воин и чудотворец свободы, привлекает Онисима и снимает внутреннюю цепь рабства с несчастного, не находящего ни в чем внешнем свободы, человека.

Может быть, какой-нибудь «раб тления» (Обещают им свободу, будучи сами рабы тления (2 Петр. 2: 19)) обещал «свободу» страдавшему в рабстве Онисиму и указал для этого путь бегство из дома. И Они-

сим, полезный раб, убежал из дома, думая найти свободу за морем. Но не за морем свобода, а в сердце. И это за морем узнал Онисим.

Сердце блудного раба было освобождено апостолом. Свобода блужданий не дала Онисиму истинной свободы: ее дал ему узник Иисуса Христа (ст. 1), благовестник человеческого освобождения во Христе. Онисим освободился тогда, когда согласился ехать обратно в рабство к Филимону. Здесь освободился раб человеческого и стал свободным рабом Божиим (1 Кор. 7: 22).

Как ясно в этой жизненной притче выявлен смысл апостольского, священнического дела.

Божье дело выйти навстречу блудному сыну; апостольское дело найти блудного раба и вернуть его в Дом Владыки. Как ревнует священник посредник пред Первосвященником за блудного раба, чтобы искупил его Первосвященник: Если Ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. Если же он чем обидел Тебя, или должен, считай это на мне. ВОТ УЧАСТИЕ СВЯЩЕННИКА В ИСКУПЛЕНИИ. (Более подробно об этом же см. Дневник Кронштадтского Пастыря.)

Надеясь на послушание твое, пишет апостол Богу, я написал к тебе, зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю. (Вот какая простота!) Тя убо молю, Единаго, Благого и Благопослушливаго! (Священническая молитва Херувимской песни.)

Блудный раб Онисим уже не как раб, но «выше раба», уже как «брат возлюбленный» возвращается к законному Владыке в новое рабство. Как глубок, торжествен и совершен в мире подвиг этого дела. Вот подвиг Церкви, соборный подвиг Церкви, в котором Сам Господь благоволил подвизаться рядом с людьми.

«Послание к Филимону» целостное жизненное разрешение одного из основных томлений человеческого духа.

Послание это напоминает Христову притчу не только особо малым размером своим, но и единством своего внутреннего духовного строения. И сама сохранность этого частного апостольского письма свидетельствует, что оно написано апостолом не только возлюбленному Филимону, и не только для брата Онисима, но и Господу Богу для всего заблудившегося в своей «свободе» человечества.

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Как святые спасали отца Ермогена, а он из греховной жизни людей вытягивал

9 июня преставления ко Господу схиархимандрит Тихон (Муртазов), до пострига в схиму архимандрит Ермоген.

Подвижник, в последние четверть века окормлявший, как и ранее, Пюхтицкий монастырь, Снетогорскую женскую обитель, упокоен в Богозданных пещерах Псково-Печерского монастыря, о чем еще лет 15 назад прикровенно предупредил сродников:

— Я ведь не буду жить здесь, в Снетогорском монастыре, где вы можете так просто ко мне приходите, — говорил он. — Я буду жить с братьями, и доступа постоянного ко мне не будет.

Только сейчас, полтора десятилетия спустя, стало понятно, что, говоря о жизни, старец подразумевал свою смерть. Для посещения Богозданных покоев, где он теперь пребывает в сонме псково-печерской братии, действительно надо заранее записываться.

Господь призвал отца Ермогена, в схиме схиархимандрита Тихона, на день памяти святого праведного Иоанна Русского, исповедника. С этим святым у новопреставленного связана такая история...

Начало 1980-х: именно к этому времени Н.С. Хрущев обещал построить в стране коммунизм и показать по телевизору последнего попа. Хотя самого его уже 10 лет как не было в живых, гонения на Церковь по инерции продолжались... Но каким-то чудом, даже не взирая на «железный занавес», нескольких митрополитов и архимандритов вдруг выпускают посетить Грецию и, разумеется, Афон. Хотя и предупреждают:

— Ничего не набирайте! Все равно все на границе по возвращении отберем!

Но святых долгожданным русским иерархам до архимандритам, пока они там путешествовали от монастыря к монастырю, конечно, надарили множество...

— Что делать? — вспомнили о предупреждении владыки отцы уже только перед вылетом домой.

— Молиться изо всех сил! — спохватился отец Ермоген и, нашарив в портфеле оказавшийся у него единственный акафист святому Иоанну Русскому, у мощей святого и полученный, всю дорогу не отрываясь его читал.

Рейс был иностранным. Пассажиры потчевали коньяком. Спутники, положившись на русское авось — будь что будет, — расслабились. А отец Ермоген, отмахиваясь от предложений стюардесс, так все акафист и читал. «Пусть, — думал, — смотрят на меня как на дурака».

Приземлились в Шереметьево. А тогда заграничный терминал представлял несколько иную картину: гулкие пустые залы да встречающие сотрудники КГБ...

— Открывайте саквояж! Начинается потрошение.

Чемоданы владык вывернули. Отец Ермоген, скорбно глядя, как все отбирают, ждал своей очереди...

— Мужчина! Что вы тут встали! Вы мне здесь мешаете! — он и сам не заметил, как бойкая сотрудница со-

ветских спецслужб вытолкала его из зоны контроля.

Стоит ни жив, ни мертв. Бойтся шелохнуться — сейчас недоразумение выяснится, и его вернут к тем, кто еще не прошел досмотр... Как вдруг ощущает, что рядом с ним кто-то стоит. Взглянул: солдат какой-то, вроде, и форма не наша, не советская. «Грек наверно», — подумал батюшка, вынужденно разглядывая квадратички плитки на полу, чтобы себя не выдать. Да и о чем говорить с греком — он и греческого не знает...

— Ну, как у вас, все нормально? — вдруг обращается к нему тот на чистом русском языке.

— Да, спасибо, все нормально, — подтверждает отец Ермоген, несколько опешив.

Солдат поворачивается, прямо перед ним щелкает каблуком и, растворившись в воздухе, исчезает...

— И тут меня осенило, — рассказывал отец Ермоген, — это же был святой праведный Иоанн Русский!

Как провел святой своего почитателя мимо кордона органов КГБ, так, верим, препроводил душу преставившегося на его память и мимо бесовских мытарств.

Это не единственный случай заступничества за отца Ермогена из иного мира, о чем можно прочитать в рассказах сродников. 40-й день отца Ермогена, в схиме Тихона, приходится на память преподобного Сергия Радонежского, который также явился ему в юности и был узан впоследствии при поступлении в Московскую духовную академию на иконе в Свято-Троицкой Сергиевой лавре...

К ПЕРЕХОДУ В ВЕЧНОСТЬ ОН ГОТОВИЛСЯ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ

Прощальное слово Митрополита Псковского и Порховского Тихона

— Мы проводили архимандрита Ермогена, в схиме схиархимандрита Тихона, в тот путь, к которому он готовился всю свою жизнь. Это был день одновременно печальный и радостный. Радостный — потому что любовь множества людей собрала всех нас для того, чтобы сердцем молитвенно выразить благодарность отцу Ермогену, схиархимандриту Тихону, за тот жизненный путь, который он прошел, будучи верным учеником Христовым, за те любовь, внимание и духовное воспитание, что он щедро расточал стекающемуся к нему народу.

В телефонном разговоре накануне отпевания Святейший Патриарх Кирилл благословил передать всем, что ту скорбь, которую испытывают ближайшие чада новопреставленного, разделяет и его сердце. Он сказал, что помнит отца Ермогена с конца 1950-х — начала 1960-х годов, когда еще мальчиком он приезжал в Пюхтицкий монастырь, где сначала познакомился с его предшественником — иеромонахом Петром (Серегиним), а потом и с самим отцом Ермогеном.

В последний раз Святейший Патриарх Кирилл видел отца Ермогена, когда четыре года назад владыка Евсевий пригласил его во Псков. Его Святейшество сопровождала делегация, в которой довелось быть и мне. Помню как сейчас: Святейший Патриарх Кирилл, увидев отца Ермогена, подошел к нему и от всей души обнял его, и отец Ермоген также взаимно его обнял. Им, конечно, было о чем поговорить. Но Святейшего торопили обязанности, были намечены встречи, от которых многое зависело в деле сохранения и возрождения святых на Псковской земле... Однако то, как встретились эти два человека, уже более полувека знакомые друг с другом, говорило об их взаимоотношениях без слов.

Святейший Патриарх Кирилл сказал о почившем много теплых и замечательных слов как о смиренном, добром, искреннем, необычайно заботливом подвижнике, приставленном для того, чтобы помогать на пути ко спасению множеству людей, в первую очередь, инокиням и монахиням. Отец Ермоген сначала, на протяжении почти 30 лет, был духовником Пюхтицкого монастыря, а потом без малого четверть века — и псковской Снетогорской обители, которую возродил вместе с владыкой Евсевием после богорборческих лет.

Для каждого христианина приходит час преставиться к Богу, и мы видим (хотя только отчасти видим) плоды подвига и трудов отца Ермогена — все то обилие людей, собравшихся проводить своего духовного отца и душепопечителя в путь вся земли.

Царствие Небесное приснопоминаемому старцу схиархимандриту Тихону. Господь да упокоит его в селениях святых. Верую, что он достиг той цели, к которой стремился всю свою жизнь, — единения с Богом, и сейчас Господь даст ему — как одно из блаженств — свою любовь участвовать в жизни и спасении всех тех, кто любит его и обращается к нему с молитвенными просьбами и просто молится о его упокоении.

«ПОЭТ В РОССИИ...»:

о некоторых аспектах влияния художественной литературы на российскую историю

XIX век в России, кроме прочих значимых событий, отмечен небывалым ранее влиянием литературы и искусства на русское образованное общество. Явление это столь обширно и многопланово, что даже для его поверхностного описания потребовалось бы весьма объемное исследование. По этой причине целью настоящей статьи является рассмотрение лишь одного (впрочем, существенного) вопроса, относящегося к этой теме, а именно: какова основная причина столь высокого значения, которое представители художественного творчества возымели в русском обществе в столетие, предшествовавшее падению монархии в нашем государстве?

Как отмечает в своем исследовании, посвященном взаимоотношениям Льва Толстого с Русской Православной Церковью, прот. Георгий Ореханов: «Исключительное, экстраординарное значение литературы в жизни русского человека XIX в. далеко не всегда психологически понятно сегодня». Поэты, писатели, художники воспринимаются в этот период как передовой отряд мыслящих сил России, как маяки жизни, первооткрыватели новых идейных континентов, расширяющие мировоззренческие горизонты и выводящие на бескрайние просторы человеческой мысли народ, веками живший в тесных рамках церковного учения. Выходящие в свет произведения известных поэтов и писателей расцениваются образованным русским обществом как новое откровение и расходятся с необыкновенной скоростью. «Трудно себе представить, — вспоминала графиня А.А. Толстая, — что произошло, например, когда явились «Крейцера соната» и «Власть тьмы». Еще не допущенные к печати, эти произведения переписывались уже сотнями и тысячами экземпляров, переходили из рук в руки, переводились на все языки и читались везде с невероятной страстью; казалось подчас, что публика, забыв свои личные заботы, жила только литературой графа Толстого... Самые важные политические события редко завладевали всеми с такой силой и полнотой».

История Церкви сохранила нам примеры не менее, а порой и более страстного отношения к вопросам бытовой тематики, охватывавшим широкие народные массы. Так, святитель Григорий Нисский оставил нам следующее описание современных ему событий, связанных с появлением арианской ереси: «Иные вчера и за день, оторвавшись от трудных занятий, стали какими-то внезапными преподавателями богословия; иные, может быть, слуги, не раз бичеванные, бежавшие от рабского служения, с важностью поблудствуют у нас о непостижимом. Вы, конечно, знаете, кого в виду имеет слово, потому что все в городе наполнено такими людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это торгующие платьем, денежные менялы, продавцы съестного. Ты спросишь о волах, а он поблудствует тебе о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать о цене хлеба, а он отвечает тебе, что Отец больше, а Сын у Него под рукой; если скажешь, что пригодна баня, решительно говорит, что Сын из ничего».

Приведенная цитата интересна для нас тем, что показывает состо-

яние христианского мира в IV веке, а именно — горячий народный интерес к богословским вопросам. И хотя святитель описывает ситуацию в отрицательном ключе по причине самонадеянности новоявленных и самозванных богословов, но сам факт вовлеченности широких народных масс в богословские споры характеризует народные интересы христиан того времени. Истины божественные они воспринимали как важнейший элемент своего существования, как основы жизни.

В российской истории мы не найдем столь глубокой народной заинтересованности в вопросах чисто богословской тематики. Но все же и в нашем народе долгое время темы церковной жизни, вопросы вечности превалировали над бытовыми интересами. Вспомним, к примеру, 1492 год от Рождества Христова, год, в который исполнялось 7000 лет от сотворения мира. Известно множество случаев, когда крестьяне не хотели в этот год сеять зерно, по причине того, что мир пришел к концу. Можно также вспомнить потрясший русский народ раскол XVII века с его спорами, гарями и военными столкновениями. Это не примеры для подражания, но свидетельства величайшей важности вопросов церковной жизни для русского народа, причем не только для простого народа, но и для всех сословий русского общества, от крестьян до царя.

Что было главной целью русского человека допетровского времени? Узнать и исполнить волю Божию, провести жизнь в вере и благочестии, сохранив верность Христу и Церкви. В XII веке великий князь Владимир Мономахом поучал: «А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего». Ему вторит И.Т. Посошков, живший на рубеже XVII и XVIII веков: «Сыне мой, храни душу свою от всякого грехопадения, дабы ти в вечную погибель не низринутися, и того ради житие свое имей самое истинное, правого христианства держащееся».

Отсюда любовь русского человека к богослужению, к храмовому благолепию. Отсюда и почитание иереев как совершителей церковных таинств, а также — святых, этих людей Божиих, возвестителей божественной воли. Отсюда и само наименование Святая Русь — не как самовосхваление, но как идеал, присутствовавший в русском народе. При таком настроении любое событие личной или общественной, частной или государственной жизни оценивается прежде всего с точки зрения его богоугодности. Центром, от которого выстраивается система ценностей, в этом случае является Сам Бог, Его благая воля. Поэтому мировоззрение такого рода именуется *теоцентрическим*.

Что касается русского обще-

ства в XIX веке, по крайней мере его образованной части, то здесь мы сталкиваемся с принципиально новой ситуацией. Подражание западной культуре привносит в Россию новые ценности. И эти западные ценности, начиная с эпохи Возрождения, несмотря на схожесть многих элементов, выстраиваются совершенно иным образом, а именно — вокруг человека. Здесь истоки современного гуманизма, который средневековую теоцентрическую модель мироздания превращает в *антропоцентрическую*. Человек, как и в античности, объявляется «мерой всех вещей», что ведет к неизбежным изменениям на всех жизненных уровнях. В России идеи Ренессанса получают широкое распространение в XVIII и особенно в XIX веках, и именно в этом кроются причины возрастающего до гиперболических размеров значения литературы и искусства.

Место священника теперь для многих занимает писатель, место пророка и святого — поэт: «С конца XVIII в. русский поэт «лишь ситуативно отличается от духовного лица», его личность (во всяком случае, в определенном кругу) сакрализуется. Уже Г.Р. Державин провозглашает *богодохновенный характер поэзии*, «духовное ведение поэта становится выше духовного ведения священнослужителя», ибо последний получает его «автоматически», а первый — в качестве индивидуального природного дара, полученного непосредственно от Бога. Поэт получает своеобразное посвящение, его призвание сакрализовано, сопоставлено и противопоставлено позиции священника».

Логика отмеченной метаморфозы проста. Пока мы живем в системе ценностей, в которой центральное место занимает Бог, то главной нашей задачей является приведение своих мыслей, желаний и чувств в согласие с божественным законом, с Божией волей. В антропоцентрической модели мироздания место Бога занимает человек, и следовательно, при выстраивании этой новой системы ценностей естественным образом встает вопрос: что есть человек? И этот вопрос не праздного любопытства, поскольку именно в ответе на него заключены законы жизни человека Нового и Новейшего времени.

По этой причине образованная российская публика постпетровской России обращает взоры к писателям и поэтам и связывает с ними свои самые душевные чаяния. Связь эта взаимная, почему верно и обратная зависимость: с переменою закона необходимо быть перемене и священства. Жрецы литературы выходят на передовые позиции, ведь в глазах «прогрессивного общества» именно им дано проникнуть в тайны человеческой души и достигнуть незыблемых основ человеческого существования для выявления нового морального кодекса. Вследствие этого «происходит своеобразное «преобразование религиозной энергии», важным последствием которого и является «сакрализация литературы»...».

Именно с этого периода «поэт в России — больше, чем поэт». Поэт, писатель превращается в прозорливца, пророка, посланника Небес, перед которым раскрываются тайные смыслы судеб человечества, ломаются преграды пространства и времени:

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Появляется некий новый пантеон, состоящий из гениев искусства и литературы. Как выразился вскоре после смерти Льва Николаевича Толстого один из его современников: «Святцы западно-социального календаря украсились его именем, и день его смерти уже третий год пытаются праздновать его поклонники».

Величие даров новых пророков столь велико, что они становятся недостижимым образцом для последователей, которым, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к ним, остается лишь молиться своим кумирам:

*И, на колени тихо становясь,
готовый и для смерти, и победы,
прошу смиренно помощи у вас,
великие российские поэты.*

Но это — путь тупиковый, путь неоязычества, путь саморазрушения человечества, в том числе — и человеческой культуры. Попытка основать нравственность на человеке обречена на неудачу по одной простой причине — человек в отличие от Бога не имеет в себе автономного источника существования, или, говоря евангельским языком, «жизни в себе» (Ин. 5: 26; 6: 53). Это вопрос веры, и если веры нет, то доказать здесь практически ничего невозможно.

Кроме того, всякий, кто попытается вопреки божественному откровению найти в человеке нравственные основы вне зависимости от его связи с Богом, сталкивается с непреодолимыми трудностями. Человек, по свидетельству святых отцов и учителей Церкви, является не только микрокосмом, то есть «малым миром», но и микротеосом, то есть «малым богом». Создателем вложено в человека такое богатство даров и способностей, что на их освоение и изучение не хватит жизни не только одного человека, но и всего человечества. Это дарованное от Бога богатство человека позволяет погрузиться, что называется, «с головой» в какую-нибудь одну из сфер человеческой деятельности: в науку, искусство, литературу, музыку и тому подобное. И эта деятельность нередко настолько захватывает человека, что принимает характер религиозного служения, занимает для него место Бога и формирует соответствующий моральный кодекс.

Поэтому одним из следствий попытки основать нравственность на самом человеке, его мыслях, чувствах, представлениях, предпочтениях становится размывание границ нравственности. Показателен в этом смысле диалог ученицы и учительницы литературы в одной из телепередач. Познакомившись с некоторыми произведениями Ивана Алексеевича Бунина, ученица задает педагогу вопрос: «Значит, изменять можно?» На что учительница, не растерявшись, находит следующий ответ: «Можно, если измена оправдана такими же нравственными страданиями, как у героев Бунина». Ответ, конечно, эффектный, пафосный, но, если разобраться, саморазоблачительный. Кто измерит человеческие страдания? И кто определит глубину этих страданий, достаточную для оправдания измены? Подобные рассуждения свое логическое завершение получают в выражении, впервые озвученном известным советским сатириком и ставшем впоследствии крылатым: «Если нельзя, но очень хочется, то можно».

В отмеченном моральном антропоцентризме — корни деградации современных, некогда христианских народов. Аборты, эвтаназия, содомия, нравственная распушенность объявляются нормой жизни именно ввиду объявленной автономии человека. Медленно, но верно мы превращаемся в чудовищ вполне культурного вида, по-своему чувствительных, приятных в общении, словно бы имея своей целью стать иллюстрацией апостольского слова о людях последних времен: «Имеющие вид благочестия, силы же его отрехшиеся» (2 Тим. 3: 5).

Кто-то возразит: «Но позволите, общеизвестно, что великая русская литература несет в себе огромный нравственный потенциал и имеет христианские корни!» Что тут скажешь? Без сомнения, наша литература имеет христианские корни и насыщена христианской тематикой. Но дело здесь не столько в насыщенности, сколько в направленности. Если взять два стакана, один из которых пустой, а другой полный, и начать первый из них наполнять, а второй опустошать, то в какой-то момент они сравняются по объему содержимого. Но в одном случае это будет путь возрастания, а в другом деградации. Так и с русской литературой. Природно связанная с православной традицией, она естественным образом была наполнена христианской проблематикой, но основной вектор ее движения направлялся на освобождение от христианских догматики и морали, которые воспринимались зачастую как узы, сковывавшие человеческую свободу: «В конечном счете, обозначенная тенденция приводит к катастрофическим последствиям: литература и культура, питавшиеся христианскими соками, выросшие на христианских традициях, активно содействуют самоуничтожению христианских и национальных корней».

Какой же вывод можно сделать из сказанного выше? Может быть, православным христианам следует отказаться от русской литературы, да и от художественной литературы вообще? Но это будет другой крайностью. Если святители Василий Великий и Григорий Богослов говорили о той пользе, которую христиане могут почерпнуть у языческих авторов, то нам ли отказываться от своего отечественного художественного наследия, гораздо более близкого к христианской традиции, чем античность.

Тем не менее, не стоит переоценивать воспитательное значение русской литературы. Если знакомство с ней не будет уравновешиваться укорененностью в церковном предании, то влияние литературы может быть для человека (прежде всего, конечно, мы имеем в виду молодого человека) не менее губительно, чем любая другая земная привязанность, которая приписывается автономная ценность. Поэтому, читая русскую классику, не будем забывать, что Пушкин, как и литература вообще, это далеко не «наше всё», а Лев Толстой — не только гениальный писатель, но и несчастный, запутавшийся человек, противник Церкви и Христа, соблазненный и сбивший с истинного пути множество своих последователей и почитателей. И уж, конечно, художественная литература не заменит нам Священного Писания, житийной литературы, поучений святых отцов и учителей Церкви, в особенности же — богослужения и таинств.

Андрей Горбачев